

Содержание

Благодарности	8
Уведомление для читателей	10
Введение	11
Глава 1. Единство душ	21
<i>Партнерства</i>	22
<i>Бог как связующий элемент</i>	33
<i>Женское «другое я»</i>	39
<i>Зеркальное отображение</i>	50
<i>Делить одну подушку</i>	53
Глава 2. Трансцендентность	60
<i>По ту сторону тела</i>	61
<i>Божественная любовь</i>	69
<i>Путь к трансцендентности через воспитание детей</i>	79
<i>Возвращение на первую ступень</i>	86
Глава 3. Обязательство	88
<i>Зазоры в патриархальном греческом укладе</i>	91
<i>Удачная пара</i>	99
<i>Влияние христианства</i>	104
<i>Любовь — это все, что нам нужно?</i>	114
Глава 4. Одержимость	131
<i>Пренебрежение к одержимости</i>	132
<i>Возвышение одержимости</i>	140
<i>Критика любовной одержимости</i>	148
<i>Ритуализация одержимости</i>	161
<i>Возвращение одержимости</i>	165
<i>Фантазия в реальной жизни</i>	169
Глава 5. Ненасытность	173
<i>Сексуальные забавы в древнем мифе</i>	176
<i>Наши руки не для скуки</i>	179
<i>Влюбленные в движении</i>	195
<i>Любовь до гроба</i>	209
<i>Эрос освобожденный</i>	214
Заключение	222
Дополнительная литература	231
Список иллюстраций	234
Указатель имен	238

Посвящается Тому

Феба

Мой друг пастух, скажи ему, что значит любить...

Сильвий

Быть созданным всецело из фантазий,
Из чувств волнующих и из желаний,
Боготворить, покорствовать, служить,
Терпеть, смиряться, забывать терпенье,
Быть чистым и сносить все испытанья —
Вот так, как я для Фебы.

Уильям Шекспир. Как вам это понравится.
Акт V, сцена 2 (пер. Т. Щепкиной-Куперник).

Благодарности

Прежде всего мне следует отдать дань уважения Риккардо Кристиани, совместно с которым были впервые (пусть и в иной форме) изучены, проанализированы и описаны многие темы, о которых пойдет речь в этой книге.

Кроме того, мне хотелось бы поблагодарить семерых проницательных коллег, которые, прочитав рукопись целиком, поделились со мной исключительно ценными замечаниями. Это Кристиан Бейли, Наоми Хоунет, Фрэнсис Фримен Пейден, Паскаль Поршерон, Том Розенвейн, Майкл Шерман и Питер Н. Стернз. Разговоры с Уильямом Д. Пейденом, которому я признательна за комментарии к первой версии главы 4, неизменно служили источником тем для моих размышлений.

Эта книга претерпела больше изменений, чем многие другие мои работы, и за помощь на разных этапах ее создания, включая окончательный вариант, я должна выразить благодарность многим друзьям и коллегам — Кэти Барклай, Яну Бёрцлаффу, Ангелосу Ханиотису, Дженнифер Коул, Матье Дюпа, Лоре Фэйр, Кэтрин де Луне, Лесли Досси, Аннализе Дюпри-Анри, Дайане Эллиотт, Эбраму Ван Энгену, Николь Юстас, Элине Герцман, Фредерику Райту Гличу, Адриане Лауре Гуарро, Сьюзан Карант-Нанн, Дэвиду Мелтону, Барбаре Ньюман, Нэнси Сигал, Марку Сеймуру, Саймону Суэйну, Линн М. Томас, Фабрицио Титоне, Уве Вагелполу и Илоне Висмулек.

Благодаря плодотворному партнерству библиотек Чикагского университета Лойолы и Северо-Западного университета у меня появился доступ к множеству чрезвычайно ценных ресурсов, и здесь отдельной похвалы заслуживает Дженнифер Стилджен, поистине образцовый работник межбиблиотечного абонемента. Кроме того, для меня оказались

чрезвычайно ценными помощь и поддержка издательства Polity Press, где мне были предоставлены блестящие внешние рецензенты и всегда готовые прийти на помощь сотрудники, из которых особых слов признательности достоин Паскаль Поршерон.

Эта книга не состоялась бы без моей любимой семьи: Джесс и ее дочерей Софи и Натали; Фрэнка, Эми и их сыновей Джошуа, Джулиана и Бенджи; моей сестры Наоми, которая не только прочла книгу в рукописи, но и исправно писала о ней электронные письма на всем протяжении моей работы. Наоми и ее муж Джим с благосклонным терпением выслушивали мою болтовню в FaceTime о том постоянно меняющемся калейдоскопе, каким оказался процесс создания книги. Свой труд я посвящаю моему мужу Тому. Какими бы ни были фантазии о любви, моя любовь принадлежит ему.

Уведомление для читателей

Все даты, приведенные в книге, относятся к нашей эре; даты до нашей эры указываются соответствующим образом. Для упоминаемых в книге персоналий приведены даты смерти либо расцвета их творчества (периода активной деятельности). Цитаты из первоисточников не на английском языке в оригинале книги приведены в современных переводах на английский. Кроме того, были обновлены орфография и пунктуация источников на английском языке раннего Нового времени, в некоторых случаях устаревшие слова и фразы оказались заменены актуальными эквивалентами. Основной источник цитат из Библии: *The New Oxford Annotated Bible: New Revised Standard Version with the Apocrypha. An Ecumenical Study Bible / Ed. by M.D. Coogan with M.Z. Brettler, C.A. Newsom and P. Perkins. 5th edn. Oxford, 2018.* Все цитаты, как в тексте, так и в примечаниях, приводятся со ссылкой на страницы источника, если не указаны иные принципы нумерации.

Введение

Не стану утверждать, что всегда стремилась написать работу, посвященную любви. Возможно, мне бы следовало это сделать, ведь я выросла в семье убежденных фрейдистов, а Фрейд много рассуждал об Эросе. Но, поддавшись очарованию нашего замечательного университетского профессора Лестера Литтла, я решила стать историком Средневековья — странное решение, если учесть мое воспитание. Родителям я пыталась объяснить свой выбор, используя словечки, которые тогда были в ходу у нас дома: история есть не более чем «явное содержание» бессознательных фантазий людей конкретной эпохи. Иными словами, я утверждала, что история (history) — это пересказанное сновидение, за которым скрывается *реальный* сюжет (story), и мне лишь оставалось этот сюжет обнаружить. Кроме шуток: в те времена моей любимой книгой было «Толкование сновидений» Фрейда.

Однако вскоре я поняла, насколько несуразным был план, разработанный девицей девятнадцати лет от роду, особенно если учесть, что тогда я еще не знала ни слова на латыни. Как следствие, несколько последующих десятилетий я посвятила изучению языков, чтению первоисточников и погружению в историю — да-да, в то самое «явное содержание» — Средних веков, в особенности средневекового монашества. Впрочем, желание понять, что именно скрывается «за» фактами, которые я изучала, никуда не делось. Почему, например, монахи Клюнийского монастыря, обладавшие наибольшим престижем в раннем Средневековье, проводили основную часть времени в храме, распевая псалмы? Что побуждало благочестивых мирян из любых социальных слоев жертвовать землю этому монастырю? Какие представления о пространстве или о насилии стояли

за заявлением папы римского о священных и неприкосновенных границах владений Ключи? Опираясь на антропологию, социологию и этнографию, я постепенно отдалялась от Фрейда — хотя и не полностью.

Любовь — по меньшей мере как тема для исследования — тогда меня не интересовала. Конечно, в детстве я думала о любви. У меня были и лучшая подруга, и увлечения, и несколько совершенно ужасных парней, доставлявших мне душевные страдания, и несколько очень милых поклонников, с которыми я испытывала огромную радость, пока наши отношения не заканчивались. Но в самом начале учебы в колледже я встретила своего будущего мужа Тома — мы создали семью сразу после того, как я закончила колледж, а затем у нас родились близнецы Фрэнк и Джессика. Не особо задумываясь, я повторяла лозунг моего поколения: «Занимайтесь любовью, а не войной». Тогда я не понимала, что любовь — это еще более сложное занятие, чем война.

В дальнейшем основной предмет моего внимания изменился — я заинтересовалась историей эмоций. Это произошло в 1995 году, когда коллега-медиевист Шарон Фармер попросила меня провести дискуссию по теме «Социальное конструирование гнева» на съезде Американской исторической ассоциации. Слушая доклады и их последующие обсуждения, я вдруг поняла, что история эмоций дает возможность проникнуть в тот еще неисследованный материал, который скрывается за «явным содержанием».

Здесь в самом деле открывалось масштабное поле для новых исследований. Основной парадигмой истории эмоций на тот момент выступала концепция «процесса цивилизации» социолога Норберта Элиаса, который охарактеризовал Средневековье как эпоху душевных порывов, насилия и ребяческого пренебрежения социализацией, закончившуюся только с возникновением абсолютистского государства раннего Нового времени с его упором на контроль над импульсивностью и эмоциональную сдержанность. И хотя я понимала, что Элиас ошибался насчет Средневековья, и подозревала, что он был неправ и в отношении

более поздних периодов, у меня не было уверенности, что мне удастся найти собственный подход.

Все это привело меня к изучению исторических источников, теорий эмоций и новых парадигм истории эмоций. Как оказалось, и в Средневековье, и в другие эпохи существовало огромное разнообразие эмоциональных норм и ценностей, практиковавшихся различными группами. В конце концов я обнаружила способ их концептуального представления, назвав эти группы «эмоциональными сообществами» — группами, зачастую существующими в одно и то же время и нередко тождественными социальным сообществам, в которых люди демонстрируют одинаковые или схожие оценки конкретных эмоций, целей и норм эмоционального выражения. Эти сообщества иногда пересекаются и заимствуют нечто друг у друга, а также способны меняться со временем (в целом так и происходит), но даже в этом случае у них достаточно общих характеристик, чтобы исследователь мог изучать их как некую целостную группу.

Но и на этом этапе моей работы любовь еще не представляла для меня особого интереса. Правда, с одной-единственной оговоркой: я отмечала, что всем эмоциональным сообществам так или иначе приходилось иметь с ней дело — люди любили что-то или кого-то, придавали любви ту или иную ценность, выражали ее определенными способами. Однако эта проблематика не отличалась от вопросов, которыми я задавалась относительно любых эмоций: как происходит их выражение, как они превозносятся и оцениваются в конкретном эмоциональном сообществе? Моя цель прежде всего состояла в том, чтобы отследить сосуществующие эмоциональные сообщества в рамках отдельно взятого промежутка времени и обнаружить, каким образом в последующие эпохи на авансцену выходили новые сообщества, а старые отступали на задний план.

Как следствие, меня не слишком интересовали индивидуальные эмоции, даже несмотря на то что мне довелось редактировать сборник статей о феномене гнева в Средневековье, в котором подводились итоги той самой панельной

дискуссии по социальному конструированию в Американской исторической ассоциации¹. Необходимость в подобных исследованиях и интерес к ним я осознавала совершенно четко, и пока я занималась эмоциональными сообществами в раннем Средневековье, Джоанна Бёрк опубликовала книгу об истории страха, а Даррин М. Макмахон представил аналогичную работу о счастье². Правда, этих ученых не интересовали эмоциональные сообщества. Бёрк обращалась к современной истории, рассматривая способы, при помощи которых различные (в первую очередь англоязычные) культуры используют страх и злоупотребляют им, а Макмахона занимали западные представления о счастье, а не характерные для Запада эмоции.

В конечном счете я нашла выход. Во-первых, требовалось расширить хронологические рамки — эта задача была решена в моей работе об эмоциональных сообществах, охватывающей период с 600 по 1700 год³. Лишь после этого мне удалось написать книгу, где рассказывается история одной эмоции в контексте большой длительности — я взялась за тему гнева, который одновременно является и добродетелью, и пороком, в связи с чем этот феномен представлял для меня больший интерес, чем, скажем, радость. Композиционно книга оказалась выстроена на основе разного отношения к гневу: одни эмоциональные сообщества питали к нему отвращение, другие считали его пороком, но при этом до определенной степени признавали его достоинство, третьи же утверждали, что гнев является чем-то «естественным», а следовательно, он в принципе не составляет моральную проблему. Наконец, не так давно появилась еще одна точка зрения: в ряде работ отмечаются мобилизующие и насильственные характеристики гнева⁴.

1. *Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages* / Ed. by B.H. Rosenwein. Ithaca; New York, 1998.
2. *Burke J. Fear: A Cultural History*. Emeryville, 2005; *McMahon D.M. Happiness: A History*. New York, 2006; *Rosenwein B.H. Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca; New York, 2006.
3. *Rosenwein B.H. Generations of Feeling: A History of Emotions, 600–1700*. Cambridge, 2016.
4. *Id. Anger: The Conflicted History of an Emotion*. London, 2020.

Только после этого я обратилась к любви — еще одной эмоции, относительно которой почти не существовало согласия. Любовь оказалась еще более трудным и конфликтным феноменом, чем гнев, — вот вам список из множества противоречащих друг другу истин, мифов, мемов и поговорок о любви:

- Любовь — это благо.
- Любовь приносит боль.
- Любовь поражает, как удар молнии.
- Любовь требует времени и терпения.
- Любовь естественна и бесхитростна.
- Любовь морально возвышает и является основанием общества.
- Любовь разрушительна для общества, ее необходимо укрощать.
- Любовь — это навсегда.
- Любовь — это разнообразие.
- Вершина любви — секс.
- Лучше всего, когда любовь не связана с сексом.
- Любовь преодолевает мирское.
- Любовь требует всего.
- Любовь ничего не требует.

Все эти мысли, рассуждения и настроения несут в себе соблазн — они требуют, чтобы их услышали. Словом, не удивительно, что поначалу я понятия не имела, как писать историю любви. Любовь не только подразумевает — и теперь, и прежде — великое множество разных вещей, но и включает немало иных эмоций: радость, боль, удивление, замешательство, гордость, смирение, стыд, спокойствие, гнев. К тому же у любви есть масса мотивов: к ним относятся стремления контролировать, подчиняться, соблазнять, быть желанным, лелеять, получать заботу. Любовь можно использовать и для оправдания действий, которые исходно выглядят ей враждебными, — даже для завоеваний и войн.

Однако по мере изучения материалов для этой книги я постепенно замечала, как некоторые расхожие формулировки сливаются воедино — реальные и вымышленные

сюжеты повторялись вновь и вновь, пусть и в разных обличьях и контекстах. Если оглядеться вокруг, то можно заметить, что они сохраняются и сегодня, в современных сюжетах — в телепередачах, в романах, фильмах, а заодно и в жизни наших друзей и семей. Кроме того, я начинала понимать, как эти непреходящие фантазии любви повлияли — и продолжают влиять — на мои собственные ожидания в отношении тех, кого я люблю, и на их ожидания по отношению ко мне.

Более того, я стала осознавать цели этих фантазий: они были — и остаются — ключевыми сюжетами (narratives), которые организуют, обосновывают и наделяют смыслом переживания, желания и чувства, в противном случае являющиеся бессвязными и сбивающими с толку. Именно на эту мысль в свое время намекнул столь почитаемый в моей семье авторитет — доктор Фрейд, утверждавший, что симптомы взрослых неврозов представляют собой выражение подавляемых в течение длительного времени детских фантазий — композиций чувств, подобных тому, которое он назвал эдиповым комплексом, уподобив его греческому мифу.

Однако для понимания того, что рассказывание историй представляет собой способ объяснения, организации и овладения содержанием человеческих чувств, нам едва ли нужно обращаться к Фрейду. Парадигматические сюжеты предназначены не просто для того, чтобы их примеряли на себя, создавали, а затем, возможно, и разыгрывали дети. Их значимость вполне очевидна и для взрослых — например, в работах социолога Арли Хохшилд, хотя в них речь и не идет о любви. Изучая приверженцев правых взглядов в США, Хохшилд не принимала за чистую монету декларируемые ими объяснения недовольства политической ситуацией вроде тех, что давал один дружелюбно настроенный респондент по имени Майк Шафф: «Я выступаю за жизнь¹, за оружие, за свободу жить своей жизнью так, как мы считаем нужным». Напротив, Хохшилд стремилась

1. Стандартная формулировка американских противников абортот. — *Прим. пер.*

обнаружить некую «глубинную историю», которая в ее интерпретации выступает «историей ощущений — историей, которую чувства рассказывают на языке символов»¹. Как следствие, сюжет «глубинной истории» Майка и его соотечественников выглядел примерно так: вместе в основном с такими же белыми мужчинами они давно стояли в очереди, терпеливо ожидая, когда же наконец исполнится «американская мечта» — мечта о прогрессе, улучшении ситуации в экономике и увеличении жизненных возможностей. Дабы встать в эту очередь, белым американским мужчинам приходилось терпеть страдания, долго и упорно трудиться, но на пути у них возникли незваные гости — «черные», «коричневые» и иммигранты. В этой глубинной истории сошлись воедино и обрели смысл такие чувства, как гнев, стыд, обида и гордость, — именно это я и называю фантазией.

К таким же глубинным фантазиям обращаются Л.И. Энгус и Л.С. Гринберг, сторонники психотерапии, которая вмешивается в сюжеты, используемые людьми для понимания своих чувств и идентичности, и меняет их. По тем же самым причинам Ииро П. Яаскеляйнен и его коллеги используют нейровизуализацию в качестве инструмента, позволяющего разгадать, «каким образом различные сюжеты влияют на человеческий мозг, тем самым формируя восприятие, познание, эмоции и принятие решений». «Мы рассказываем себе истории для того, чтобы жить» — вот как эти авторы интерпретируют заголовок впечатляющего сборника статей Джоан Дидион².

1. *Hochschild A.R.* Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right. New York, 2016. P. 6, 135.
2. *Angus L.E., Greenberg L.S.* Working with Narrative in Emotion-Focused Therapy: Changing Stories, Healing Lives. Washington, 2011; *Jääskeläinen I.P., Klucharev V., Panidi K., Shestakova A.N.* Neural Processing of Narratives: From Individual Processing to Viral Propagation // *Frontiers in Human Neuroscience* 14. 2020, doi: 10.3389/fnhum.2020.00253; *Didion J.* The White Album // *We Tell Ourselves Stories in Order to Live: Collected Nonfiction*. New York, 2006. P. 185 (Джоан Дидион (1934–2021) — американская писательница, одна из ключевых фигур «новой журналистики», наряду с такими авторами, как Том Вулф и Хантер Томпсон. — *Прим. ред.*).

Тот факт, что западное воображение — лишь одна из множества разновидностей воображения — породило те или иные фантазии о любви, которые сохраняются на протяжении столетий, не означает, что любовь была, есть и всегда будет чем-то неизменным. Отдельные сюжеты, разумеется, оказались весьма устойчивыми, однако и они видоизменялись, утрачивая одни смыслы и приобретая другие. Эти сюжеты выступают культурными референтами, которые по-прежнему так или иначе вызывают *мурашки по коже*, но даже они часто нуждаются в обновлении. Обратимся к опубликованному в *New Yorker* рисунку Мэдди Дей, на котором изображены находящаяся в бедственном положении некая юная особа, слегка удивленный дракон и рыцарь в доспехах и с мечом в руке¹. Представленный сюжет — рыцарь приходит на помощь даме, чтобы ее спасти, — знаком нам настолько хорошо, что, фигурально выражаясь, чуть ли не стал частью человеческой ДНК. Этот образ постоянно возникает (правда, всякий раз в новом обличье) в диснеевских фильмах и детских грезах. Впрочем, ожидания, создаваемые изображением, нарушает подпись: оказывается, что в роли рыцаря выступает современный парень, который, прежде чем соизволить убить дракона, расспрашивает даму, чьей жизни грозит опасность, о ее репродуктивных желаниях и финансовой философии. Шутливый рисунок вызывает смех, но отчасти это смех сквозь слезы, ведь представление о том, что любовь подразумевает самопожертвование, что она является или должна быть безусловной, и сегодня остается действенным идеалом. Как утверждал философ Саймон Мэй, «обладая огромной ценной, человеческая любовь узурпировала ту роль, которую раньше играла только любовь Бога»². Эта фантазия требует от человеческой любви невозможного, и все же именно такие требования и ожидания бытуют в некоторых кругах.

Впрочем, так происходит не во всех группах — в чем и заключается специфика эмоциональных сообществ любви.

1. *Dai M.* The New Yorker. 2019. December 16. P. 37.

2. *May S.* Love: A History. New Haven, 2011. P. 2.

Ведь если одни люди видят в «истинной любви» образец безвозмездного самопожертвования Христа, то другие понимают ее как экстатическое переживание, которое выводит их за пределы земной реальности, а третьи придерживаются каких-то иных устойчивых представлений о любви. Подобные фантазии и их трансформации во времени и составляют темы отдельных глав моей книги. Тем не менее лишь *переплетенные* сюжеты позволяют окинуть общим взглядом многогранную, поистине калейдоскопическую историю любви в западной традиции, поскольку любовные истории всегда так или иначе взаимодействовали друг с другом, а также потому, что, сколь бы преданны мы ни были тому или иному сюжету, все пять служат нам образцами.

В отличие от некоторых сегодняшних исследователей, я не намерена давать определение того, *что такое* любовь. Вопреки многим философам, я понятия не имею, какой она должна быть, и не хочу, как это делают историки идей, просто рассматривать теории любви, существовавшие в прошлом, — хотя к некоторым из этих теорий мы действительно обратимся. Что именно люди думают о любви сегодня и как они осмыслили ее в прошлом — вот что нам предстоит понять. Мне хотелось бы включить в мою историю женщин, а также привести высказывания «реальных» людей, их собственные слова о любви, наряду с вымыслами, слишком уж часто служащими в качестве подмостков для фантазий о любви, которые мы создаем и за которые держимся.

Для этой книги я отобрала пять устойчивых сюжетов. В первой главе мы обратимся к фантазии о любви как едиnodушии, а затем перейдем к трансцендентности любви — представлению о том, что любовь переносит нас в какую-то высшую реальность. Темой третьей главы станет любовь как свобода в противоположность обязательствам, в четвертой главе мы рассмотрим фантазию о том, что истинная любовь представляет собой одержимость, а в пятой речь пойдет о ненасытности любви. В центре каждой главы оказываются различные модальности и переживания

любви, которые имеют в западной традиции давнюю историю. Хотя они обладают определенными точками пересечения, можно утверждать, что единодушие в основном связано с дружбой, трансцендентность — с любовью к Богу, обязательства — с браком и другими долговременными любовными отношениями, одержимость — с безответной любовью, а ненасытность — с исканиями.

Связывая все эти тематические нити воедино, мы увидим полотно со множеством оттенков — и если оно выглядит незавершенным, то так и должно быть, ведь история любви, как и сама любовь, всегда пребывает в процессе изменения, переработки и порождения новых фантазий.